

ФИЛОСОФИЯ

(шифр научной специальности: 5.7.8)

Научная статья

УДК 81.271

doi: 10.18522/2070-1403-2026-115-2-80-88

ГРАВИТАЦИЯ ЯЗЫКА: РАСПРОСТРАНЕНИЕ ОБЩЕННОЙ ЛЕКСИКИ КАК ФИНИШНАЯ СТАДИЯ ЭНТРОПИИ ЯЗЫКА И УГРОЗА «ТЕПЛОВОЙ СМЕРТИ ЧЕЛОВЕКА»

© *Михаил Борисович Стригин*

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

strigin1969@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются культурологические факторы эволюции языка, связанным с вертикальным социальным расслоением и последующим семантическим перемешиванием образовавшихся слоёв языка. Отмечается, что А.С. Пушкин создал русский литературный язык во многом благодаря произведенному им гармоничному смешению верхнего (условно «дворянского») и народного лексических слоёв. Рассматривается проблема вторжения общенной лексики в разговорную речь и литературу. Обсуждается предположение, что мат может перестать восприниматься как нечто запретное и войдет в повсеместное употребление. Выдвигается гипотеза появления новой табуированной лексики в случае, если узаконивание мата все же произойдёт. Процесс распространения мата рассматривается как тенденция к стиранию границ между добром и злом и распространению «серой морали». В связи с этим предлагается новая метафора грозящей «тепловой смерти человека».

Ключевые слова: человек, язык, Пушкин, общенная лексика, мат, энтропия, эволюция, гуманизм, добро и зло.

Для цитирования: Стригин М.Б. Гравитация языка. Распространения общенной лексики как финишная стадия энтропии языка. Угроза «тепловой смерти человека» // Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 115. № 2. С. 80-88. doi: 10.18522/2070-1403-2026-115-2-80-88

PHILOSOPHY

(specialty: 5.7.8)

Original article

The gravity of language. Dissemination of obscene vocabulary as the final stage of language entropy. The threat of “human thermal death”

© *Michael B. Strigin*

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

strigin1969@gmail.com

Abstract. The culturological factors of language evolution associated with vertical social stratification and subsequent semantic mixing of the formed language layers are considered. It is noted that A.S. Pushkin created the Russian literary language largely due to the harmonious mixture he produced of the upper (conventionally “noble”) and folk lexical layers. The problem of the invasion of obscene vocabulary into colloquial speech and literature is considered. The assumption is discussed that profanity may cease to be perceived as something forbidden and become widespread. The hypothesis of the emergence of a new taboo vocabulary in the event that the legalization of profanity does occur is put forward. The process of the spread of profanity is seen as a tendency to blur the boundaries between good and evil and the spread of “gray morality”. In this regard, a new metaphor for the threatening “thermal death of man” is proposed.

Key words: man, language, Pushkin, obscene vocabulary, mate, entropy, evolution, humanism, good and evil.

For citation: Strigin M.B. The gravity of language. Dissemination of obscene vocabulary as the final stage of language entropy. The threat of “human thermal death”. *The Humanities and Social Sciences*. 2026. Vol. 115. No 2. P. 80-88. doi: 10.18522/2070-1403-2026-115-2-80-88

Введение

Данная работа продолжает наши исследования в области, которую можно назвать *физикой языка*. Многие результаты этого труда были опубликованы в монографии [13]. Вкратце их можно описать, как обнаружение некоторой динамической картины в семантическом пространстве. Здесь, подобно молекулам и более масштабным структурам типа кристаллов, образуются языковые паттерны, которые эволюционируют, распадаясь или трансформируясь в иные формы. В качестве семантических молекул можно рассматривать мемы (например, привычки), понятие о которых ввёл Докинз [6]. А в качестве семантических кристаллов, например, научные теории, которые хотя и имеют более долгий срок жизни, но тем не менее, в согласии с теорией фальсифицируемости Карла Поппера, также распадаются. «Не верифицируемость, а фальсифицируемость системы следует рассматривать в качестве критерия демаркации» [12 с. 38].

Такая эволюция плотно связана с эволюцией социальных акторов [10], в роли которых может выступать и индивид, и большая социальная группа. При этом [13] в рамках «материальной» метафоры роль материи скорее исполняет социум, а семантическое пространство выполняет роль электромагнитного поля. Так же, как поле манипулирует материей, язык управляет социумом, верно и обратное: как изменяющаяся материя излучает поле, так меняющийся социум преобразует язык. Например, электромагнитное поле формирует кристаллические структуры, а законы – акторы, от небольших предприятий до целых стран. Подобная дуальность имеет глубокие онтологические причины – современные физики ищут научную теорию, уже названную суперсимметрией, в которой материя и поля уравнены друг с другом.

Обсуждение

Мартин Хайдеггер в книге «Бытие и время» писал, что исследователи изучают сущее, а не бытие, поскольку последнее, меняясь и трансформируясь, всегда остаётся непознанным [17]. В работе «Топология социального, или Диаграммы метафизики мышления. От когнитивности атома до мирового разума» мною было прослежено, что семантика и социум образуют динамическую систему с обратной связью: семантический паттерн, меняясь, трансформирует актор, которому он присущ, и, наоборот, актор, изменяясь, приводит к эволюции языка [13]. Подобно физической теории суперсимметрии, можно уравнивать индивида и язык – мы говорим «человек», подразумеваем язык, мы говорим «язык», подразумеваем человека. Мы воспринимаем язык как средство самовыражения или как средство коммуникации. «*Язык – я есть язык – я есть орудие голоса*» [18, с. 73].

Такое личностное восприятие акта общения подобно взаимодействию единичного атома с другим атомом, который что-то сообщает первому, обмениваясь с ним импульсом. Но можно взглянуть на язык иначе – как на продукт организованного сообщества атомов, где каждый из них находится в поле, созданном всеми атомами, другими словами, как на организованную структуру, состоящую приблизительно из почти полумиллиона элементов – слов (так можно оценить общее количество слов в русском или английском языках). Если учесть их всевозможные формы и комбинации в виде предложений, возникнет континуум вариаций, образующих чрезвычайно сложную и подвижную систему, изменяющуюся ежемоментно. Но как любая система в природе, она существует некоторое время устойчиво, меняясь в незначительном диапазоне. Если налить в стакан жидкости, то через какое-то время благодаря гравитации она разделится на горизонтальные фракции. Так и язык, находясь в устойчивом состоянии, вертикально делится на различные «штили», которые были подмечены Ломоносовым [11] и возведены им в ранг стандарта общения и письма. Очевидно, что гравитационным полем в данном случае является сам социум. Социальное расслоение приводит к семантическому расслоению на штили.

Язык и Пушкин. Двухсотлетний этап эволюции

Стакан с жидкостью с разделенными слоями может стоять на столе в каюте яхты, которая после шторма оказывается в полосе шторма. В результате чего качка встряхивает его, перемешивая слои, и донные осадки оказываются на поверхности. Но кроме природных ката-

клизмов, приводящих иногда к трагедиям, когда стаканы разбиваются, а языки исчезают, поглощенные, например, внешним агрессором, есть более простые ситуации, когда подходит моряк и взбалтывает стакан, аналогично тому, как появляется некоторая пассионарная фигура и «взбалтывает» язык. Одной из них, несомненно, был А.С. Пушкин. Он произвел семантический взрыв своей поэзией, которая, помимо своих художественных достоинств, была еще и мощным языковым «миксером». Кроме того, Пушкин стал модным, его влияние было сокрушительным для устоявшихся семантических форм. Но очевидно, что спустя некоторое время после любого взбалтывания система приходит в равновесие – есть время создания предмета, есть время его существования и время угасания.

С тех пор прошло два века, и стихи Пушкина для нас, т.е. для современного читателя, стали привычны и оттого понятны. Они, возможно, перестали быть «модными», находясь в постоянном движении, но достигли большего – стали необходимым элементом «интерьера» культуры. И это означает, что стихи Пушкина находятся в языке как «рыба в воде». Это происходит потому, что помимо своих произведений, Пушкин оставил нам и другое наследие – созданный им современный русский литературный язык. Осталось определить, что значит «современный язык» и что значит «создал»?

Мы живем в темпоральной иллюзии, что окружающий нас мир был таким всегда: пять лет назад, пятьдесят лет назад, пятьсот лет назад. Как будто штиль Ломоносова определяет язык вечно, а стакан так и будет стоять с разделившимися слоями. Но если выйти из этой иллюзии, то несложно представить, что, столкнувшись с человеком начала XIX в. где-нибудь в районе средней Волги, мы не смогли бы его понять, точно так же, как оказавшись сегодня в центре Испании, мы не поймём встретившегося нам местного жителя. Философы со времен Сократа знают, что менять убеждения болезненнее, чем ампутировать ногу. Но иногда ампутировать представления все же приходится, и происходит смена парадигм еще при жизни носителей предыдущих представлений [8]. Например, так болезненно завоевывала свои позиции квантовая механика, когда предыдущее содержимое практически полностью было вылито из стакана и заполнено новой жидкостью.

Вторая иллюзия усредненного человека имеет пространственный характер и заключается в том, что язык однороден. В понимании этого нам поможет несколько иной язык – «язык» генов. При всей похожести лошади и зебры они не скрещиваются, то есть их гены «не понимают» друг друга. И это непонимание имеет онтологический характер – эти два вида эволюционируют автономно. И благодаря наличию межвидовых границ эволюция возможна в принципе. В противном случае живое представляло бы собой некоторую однородную субстанцию, а язык состоял бы из нескольких букв и морфем, образовавшихся в результате случайных флуктуаций.

Иными словами, существует два вида эволюции. Медленный, когда отделившаяся социальная группа создает собственный сленг. Постепенно географическое разделение приводит к разделению языка, непониманию и еще большему пространственному замыканию. Второй, быстрый, когда происходит перемешивание двух уже созданных «отстоявшихся» структур языка и синтезируется третья. В древности такие процессы были связаны с переселением народов, например, русский язык впитал множество тюркских слов. Обращаясь вновь к физической метафоре можно сказать, что есть медленное диффузионное впитывание языка и быстрый, силовой, конвекционный обмен информацией.

Так что же сделал Пушкин? Язык имеет фрактальную структуру [13]. Структуру, имеющую иерархию. Подобная сепарация языков происходит вместе с делением социума на различные акторы. Пушкин смешал – верхний и нижний штиль, употребив, например, по отношению к крестьянам глагол «торжествовать»: «Зима!.. Крестьянин, торжествуя». Он смешал два уровня языка. В результате такого смешения два различных социальных слоя – дворяне-помещики и крестьяне – начинают понимать друг друга.

Конечно, дворяне и крестьяне и раньше как-то находили общий язык, но давалось им это с большим трудом. «Пушкин стремится создать “язык общепонятный”, как выразился он

в набросках “Мыслей на дороге” или “Путешествия из Москвы в Петербург”» [3, с. 191]. При этом, что особенно важно, «смешивая старые стили речи, Пушкин кладет в основу этого смешения, делает закваской его – народную речь» [3, с. 192]. Пушкин как прирождённый поэт и экспериментатор остро чувствовал энергию народной речи. Его поэзия «взрывает» семантику и представления слушателя XIX в. потому, что народный язык – творящий, не такой закоряканный и рациональный, как дворянский.

Однако создать, что бы то ни было – это лишь половина дела. Чтобы это пошло в социум необходимо, чтобы созданное завоевало признание, стало «модным», в первую очередь у молодежи, поскольку новшества, в том числе и в языке, сначала подхватываются наиболее юной частью общества, которая еще не закорякалась в своих формах и максимально подвержена модным течениям. Но в том-то и дело, что во времена Пушкина модным было все французское. Как же ему удалось переломить эту тенденцию? Вероятно, современники поэта, особенно молодые, уже начинали чувствовать усталость от искусственного языка светских салонов и тоску по чему-то настоящему. Поэтому привнесенная Пушкиным в литературу народная речь была воспринята, что называется, «как глоток свежего воздуха», что и позволило пушкинскому языку со временем стать общероссийским.

И все же процесс смешения, хотя и быстрее автономной эволюции, но существенно медленней, чем революционный процесс смены парадигмы, когда, например, единым указом запрещается носить бороды. В данном случае новшества распространялись скорее «диффузией» языка, от индивида к индивиду. Поэтому уже позже пушкинского времени Тургенев в произведении «Отцы и дети» все еще отмечал существенную разницу в понимании мироустройства крестьянами и «барами»: «Этот самоуверенный Базаров и не подозревал, что он в их глазах был все-таки чем-то вроде шута...» [14, с. 262].

Революция 1917 г. перемешивает слои не только языка, но и самого русского общества, «выкашивая», например, носителей религиозного старорусского языка, в результате чего пушкинский «замес» становится общепризнанным языком. Советская власть уже в 1930-е гг. вновь делает Пушкина модным, и масштабно отмечает сто лет со дня смерти поэта. Возможно, в том числе и потому, что именно Пушкин как поэт объединил речь верхов и низов и тем самым признал их равными.

Язык и обценная лексика

Но подобно тому, как если встряхнуть стакан с жидкостью, то с большой вероятностью тяжелые частицы останутся на дне, так и Пушкин перемешал только верхние слои языка. В наше же время мы видим новую фазу этого процесса. После очередного социального потрясения 90-х гг. XX в., когда вновь низы стали верхами, часто не очень образованные, но достаточно пассионарные лица вошли в бизнес, а интеллигенция по социальной лестнице опустилась вниз, появилась новая потребность в коммуникациях. Очевидно, что адаптировать язык к мату значительно проще, чем обучаться более сложному русскому языку. По всей видимости, здесь сработал базовый закон всей современной физики: принцип наименьшего действия. «Мат употребляется без оглядки, он как будто бы висит в воздухе, проникает в письменную речь. Внутренний и внешний локусы контроля не работают. «Они не матерятся, они так говорят», – один из узнаваемых метакомментариев» [5, с. 266].

Некоторые авторы полагают, что слова, ныне табуированные, перестанут считаться таковыми: «можно наблюдать некоторые подвижки в сторону постепенного исчезновения табуированной лексики вследствие практически повсеместного ее распространения. Когда мат прочно войдет и в литературный язык, и в письменную речь, нецензурные выражения перестанут считаться неприличными» [9]. Под определенным углом зрения такой финал можно даже рассматривать как логическое завершение процесса смешения слоёв русского языка. Но нецензурные слова, даже становясь общеупотребительными, не перестают от этого нести негативный смысл, и выход этого недоброго смысла за те сравнительно узкие рамки, в которые он был заключён, неизбежно «загрязнит» не только нашу речь, но и социум.

Кроме того, после таких перемешиваний и сам мат утратит свою «экологическую нишу»: «основными функциями ругательств традиционно считаются: оскорбление, унижение оппонента; повышение эмоциональности речи; психологическая разрядка» [9]. Можно предположить, что произойдет общее уменьшение социальной агрессии, поскольку система с обратной связью: мат-агрессия перестанет функционировать: «расширение функций обсценной лексики, ее активное употребление в разговорной речи приводит к тому, что она перестает быть лексикой «экстремальных ситуаций» [4, с. 52]. Но такое общество неминуемо движется к «тепловой смерти». Возникнет некая средняя температура по «палате» языка. Там, где нет градиента (перепада температур), там нет потока, там нет движения, там образуется застой. При этом в согласии с современными представлениями о термодинамике, помимо процессов увеличения энтропии, когда система приходит к равновесному состоянию, есть процессы самоорганизации, которые неминуемо образуют новые языковые барьеры и образуется новая сепарация на языковые слои.

Язык. Перспективы эволюции

Допустим, что такое превращение языка в однородное «месиво» всё же произошло. Представляется, что особенность, заключающаяся в наличии «светлой» и «тёмной» лексики, слишком прочно вошла в наш язык, чтобы просто взять и исчезнуть. В соответствии с современными представлениями о синергии, в однородном бульоне начнут случайным образом формироваться новые семантические структуры. Подобным образом зародилась жизнь (интересно, кстати, что и обсценная лексика сформировалась из понятий, связанных с сексуальной сферой, порождающей жизнь). Поэтому на место мата должны прийти какие-то другие слова. Они станут новой табуированной лексикой, образующей новые языковые слои. Место «темного начала» должно быть занято в соответствии с диалектикой языка.

Здесь, конечно, можно только строить гипотезы. Почему современный мат связан с сексом? Для эволюции языка увеличение числа носителей, несомненно, является благом, языку «выгодно», чтобы носителей было больше. Поэтому появление и исчезновение табу на все, что связано с сексом, может показаться странным. Отчасти, вероятно, такое табу возникло из-за того, что в языческих религиях секс зачастую был связан с сакральными действиями (ритуалы «священного брака», оргии в честь Диониса, и т.д.) «Особое место во всех древних верованиях занимают так называемые фаллические культы, связанные с почитанием богов плодородия» [7, с. 14]. Вследствие этого в христианстве, становление которого проходило в непрестанной борьбе с язычеством, половая сфера стала восприниматься негативно.

Однако подобное отношение встречается не только в христианстве. Поэтому существуют, вероятно, и иные причины такого положения, не конкретно-исторические, а философские. Интересна версия Августина, заключающаяся в том, что человек стал стыдиться полового влечения, ибо в нем проявляется господство тела над духом, в то время как должно быть наоборот: «Для души стыдом является то, что ей сопротивляется тело, – это низшая сторона человеческой природы, подчиненная ей» [2]. Августин прямо связывает непокорность тела душе в половой сфере с появлением табуированной лексики, говоря, что если бы люди совершали действия, необходимые для рождения детей, под полным контролем воли, «не было бы и слов, которые считались бы непристойными» [1, с. 43].

Но если «неприличность» секса и связанных с ним слов обусловлена его неподвластностью духу, то и гипотетическая «новая обсценная лексика» должна касаться такой сферы, где человек остро ощущает свою неспособность управлять собой. Вполне естественно предположить, что компьютерные технологии шагнут далеко вперед, и появится возможность прямого соединения человеческого мозга с компьютером. Такая связь уже сегодня вызывает «душевную» зависимость, что может сделать её постыдной. Огромное количество людей сейчас предпочитают искусственный интеллект в качестве собеседника. И можно предположить, что появятся жаргонные слова, которые постепенно будут «дрейфовать» в сторону придания им всё большего сексуального оттенка, так как подобная связь действительно чем-то может напоминать секс.

Примирение добра и зла. Тепловая смерть человека

Попробуем понять, какое влияние на социум, окажет «рассеяние» мата по языку. Расширим тему и попробуем понять, в чем сущность брани (инвективы) как таковой. Многие слова способны задеть нас или даже оскорбить. Человек, вербализующий свое отношение к собеседнику бранным словом, хочет возвыситься, одновременно принизив другого. Негативное слово отрицает (вычитает) человека из его состояния, «опуская» его в иерархии бытия. И этим, применяя естественнонаучную терминологию, увеличивает «социальную энтропию», в отличие от конструктивного, «строящего новую систему» слова. Бранные слова несут в большей мере то, что можно назвать семантической энергией. Информация и энергия – это две отдельные категории, и любое высказывание – это их сумма, иными словами, любое предложение содержит в себе как информационную составляющую, так и энергетическую. Энергия может быть положительной, а может отрицательной. В этом проявляется «закон сохранения семантической энергии». Негативное слово, переносит отрицательную энергию.

Однако кроме энтропийных процессов, есть и синергичность социума. Нам хочется, чтобы отношение окружающих к человеку было позитивным. Стремление к гармонии между людьми является одной из основ человеческой экзистенции. Это проявление некоей нравственной, метафизической связи, существующей между всеми людьми, которая конденсирует социальные потоки в «социальные кристаллы».

Выявление сущности брани как отрицания и унижения человека подводит нас к другой, еще более глобальной проблеме. Ведь сейчас мы являемся свидетелями сдвига в общественном сознании, суть которого заключается в стирании границ между добром и злом вообще, и тенденцию к превращению мата в разговорный язык можно рассматривать как одно из его проявлений. Если раньше можно было условно соотнести зло с нижним социальным слоем, то теперь границы исчезли. Можно сказать, что нижний слой, разбавленный верхним, стал добрее. Современная статистика поведения молодежи демонстрирует явное сокращение числа преступлений. Но число разочарований в жизни и потери ее смысла, напротив, растет. И это тоже связано с отсутствием границ и градиентов, с состоянием максимума социальной энтропии. Об этом свидетельствует востребованность профессии психолога.

Такое размывание границ можно заметить в художественной литературе. Если раньше практически в любом произведении были положительные и отрицательные персонажи, то теперь типичный герой романа, повести или рассказа – человек, способный как на хорошие, так и на плохие поступки, причём совершающий и те, и другие не столько по собственному выбору, сколько под давлением обстоятельств. Современная жизнь часто похожа на пародию жизни, когда человеку не жарко и не холодно, а тепло. Пользуясь метафорой из космологии, такая эволюция может привести к «тепловой смерти» человека. Если раньше человек двигался в историческом потоке, движимый мощными идеалами, то теперь в отсутствие общего потока он «киснет» в болоте самооценок. В состоянии максимальной социальной энтропии «вектор скорости» человека близок к нулю, он по сути «болтается» на месте. Именно такое «потухшее состояние» космологи назвали тепловой смертью Вселенной. Такой социальный процесс вызвал спрос на психологов, которые пытаются «разжечь» индивида и искать смыслы, поскольку, только смысл может заставить его превозмочь внешнее давление, какого бы плана оно ни было [16].

Массовое появление «теплых» персонажей в литературе означает, что они востребованы. Вероятнее всего, читателям проще сопереживать персонажам, похожим на них самих. Ведь и в реальной жизни большинство людей способны и на добро, и на зло. Однако естественно предположить, что так было всегда, и тем не менее раньше спросом пользовалась литература, проводившая чёткие границы между первым и вторым. Существовал мощный градиент между добром и злом, создающий сильный энергетический, смысловой поток.

Действительность всегда расходилась с теорией. В сознании масс доминировал светлый образ человека-гуманиста, уверенно идущего по пути прогресса. «В основе веры в прогресс – в predetermined совершенствование человека – и утопизма – веры в осуществи-

мость на земле полноты правды и добра – лежала вера в достоинство человека и его высокое назначение на земле, короче говоря – *вера в человека*» [15, с. 46]. Возникновение такого идеала, видимо, было неизбежным – начиная, по крайней мере, с эпохи Просвещения, в Европе наблюдалось неуклонное снижение религиозности населения, и нужно было что-то, что смогло бы вдохновить людей и показать им путь в светлое будущее. Этим «чем-то» и стала новая «религия человечества», пусть и не обретшая институциональную форму, как предлагал автор этого термина Огюст Конт, но, по существу, определявшая духовные горизонты европейской цивилизации: «вера в «прогресс» были верой в предопределенность скорого осуществления абсолютного добра» [15, с. 40].

Крах этой иллюзии наступил в XX в. В результате стало неизбежным возвращение к мысли, что мы несем и добро, и зло. Стали пользоваться популярностью представления о том, что человек чуть ли не всецело подчинён вызванным им самим темным социальным силам и собственным психологическим комплексам и животным инстинктам: «антропологический мотив дарвинизма – научное обличение гордыни человеческого самосознания – нашел еще новое подтверждение в учении *психоанализа*» [15, с. 49].

Но жить с такими представлениями о самих себе тяжело, и вот тут-то постепенно и пробилась идея приятия людей такими, каковы они есть, что фактически означает принятие обеих сторон человеческой природы – и светлой, и темной. Конечно, это можно понять – ведь неприятие себя грозит тяжелым неврозом даже тогда, когда речь идёт об отдельной личности. Неслучайно количество психологов сейчас растёт в геометрической прогрессии. Современному человеку нужен личный психолог, как раньше был нужен священник.

Если священник нес общие принципы построения социума, то психолог выстраивает индивидуальный вектор движения. Если в режиме социального кристалла социум жил единой идеей, то в состоянии тепловой смерти актуален режим «каждый за себя». Приятие человека необходимо ему как биологическому виду просто для выживания, поскольку самоотрицание ведёт к саморазрушению. Таким образом, мы оказываемся перед исключительно сложной задачей – принять человека таким, каков он есть, «доброзлым», *не принимая в то же время зла как такового*. Очевидно, что человечеству предстоит пройти еще долгий путь между Сциллой приятия зла в себе и Харибдой самоотрицания.

Выводы

В рамках метафоры «материя-электромагнитное поле» было показано, что социум и язык, образуя подобную дуальность, эволюционируют от появления некоторой устойчивой структуры в результате «гравитационного» расслоения, до последующего ее энтропийного распада. В русском языке была построена структура штилей, заданная Ломоносовым и Третьяковым, просуществовавшая больше ста лет. Первый уровень распада был осуществлён Пушкиным, который перемешал верхние и нижние слои языка. Следующий этап распада осуществляется в современном мире, когда самый нижний обценный слой языка выходит наверх и становится естественным вербальным признаком речи.

С одной стороны, мы показали, что человек движется к состоянию «тепловой смерти», с другой стороны, «теплый человек», использующий мат в качестве «вводных слов», объективно становится добрее. И в некотором смысле мы приблизились к христианскому идеалу: «возлюби ближнего». При этом, как демонстрирует физика, в таком равновесном состоянии всегда зарождаются новые границы и структуры. И в русском языке они должны появиться уже в ближайшее время, скорее всего связанные с отношением человек-искусственный интеллект.

Список источников

1. *Блаженный Августин*. Творения. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-пресс, 1998 / Т. 4: О граде Божием (Кн. 14–22). 584 с.
2. *Булгаков С.Н.* Свет не вечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 415 с.

3. *Виноградов В.В.* А.С. Пушкин – основоположник русского литературного языка // Известия Академии наук СССР. 1949. Т. VIII. Вып. 3. С. 187–215.
4. *Воронцова Т.А.* Культура речи. Ижевск, 2011. 141 с.
5. *Высоцкая И.В. Максимова Н.В.* Обсценная лексика в современной коммуникативной ситуации // Коммуникативные исследования. 2023. Т. 10. № 2. С. 239–252.
6. *Докинз Р.* Эгоистичный ген. М.: Изд-во АСТ: CORPUS, 2017. 512 с.
7. *Жельвис В.И.* Матерятся все?! Роль брани в истории мировой цивилизации. М.: Изд-во АСТ, 2022. 384 с.
8. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: Изд-во АСТ, 2015. 320 с.
9. *Ларина Е.* Обсценная лексика с точки зрения лингвистики и общества. – URL: <https://www.syl.ru/article/95269/obstsennaya-leksika-s-tochki-zreniya-lingvistiki-i-obshchestva>
10. *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. 384 с.
11. *Ломоносов М.В.* Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Полное собрание сочинений / АН СССР. М.; Л., 1950–1983. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.
12. *Поппер К.* Логика научного исследования / Пер. с англ. Под общ. ред. В.Н. Садовского. М.: Республика, 2005. 447 с.
13. *Стригин М.Б.* Топология социального, или Диаграммы метафизики мышления. От когнитивности атома до мирового разума / Под ред. А.В. Маркова и Е.С. Степченко. СПб.: Изд-во РХГА, 2022. 410 с.
14. *Тургенев И.С.* Отцы и дети. М.: Государственное издательство художественной литературы, собрание сочинений, 1961. Т. 3. 302 с.
15. *Франк С.Л.* Свет во тьме. Минск: Изд-во Белорусского Экзархата, 2011. 832 с.
16. *Франкл В.* Человек в поисках смысла: Сборник / Пер. с англ. и нем. Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
17. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Академический проект, 2015. 460 с.
18. *Шишков А.С.* Славянорусский корнеслов. СПб.: Фонд славянской письменности и культуры, 2002. 272 с.

References

1. *St. Augustine.* Creations. St. Petersburg: Alethea; Kiev: UCIMM-press, 1998 / Vol. 4: On the Grace of God (Books 14-22). 584 p.
2. *Bulgakov S.N.* The light of the evening. Contemplation and speculation. M.: Republic, 1994. 415 p.
3. *Vinogradov V.V.* A.S. Pushkin – the founder of the Russian literary language // Proceedings of the USSR Academy of Sciences. 1949. Vol. VIII. Issue 3. P. 187-215.
4. *Vorontsova T.A.* Culture of speech. Izhevsk, 2011. 141 p.
5. *Vysotskaya I.V. Maksimova N.V.* Obscene vocabulary in the modern communicative situation // Communicative research. 2023. Vol. 10. No. 2. P. 239-252.
6. *Dawkins R.* The egoistic gene. M.: AST Publishing House: CORPUS, 2017. 512 p.
7. *Zelvis V.I.* Does everyone swear?! The role of warfare in the history of world civilization. M.: AST Publishing House, 2022. 384 p.
8. *Kuhn T.* The structure of scientific revolutions. M.: AST Publishing House, 2015. 320 p.

9. *Larina E.* Obscene vocabulary from the point of view of linguistics and society. – URL: <https://www.syl.ru/article/95269/obstsennaya-leksika-s-tochki-zreniya-lingvistiki-i-obshchestva>
10. *Latour B.* The reassembly of the social: an introduction to actor-network theory. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 384 p.
11. *Lomonosov M.V.* Preface on the benefits of church books in the Russian language // Complete collection of works / USSR Academy of Sciences. M.; L., 1950-1983. Vol. 7: Works on Philology 1739-1758. Moscow; L.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1952.
12. *Popper K.* Logic of scientific research / Trans. from English. Under the general editorship of V.N. Sadovsky. M.: Respublika, 2005. 447 p.
13. *Strigin M.B.* Topology of the social, or Diagrams of the metaphysics of thinking. From the cognitiveness of the atom to the universal mind / Edited by A.V. Markov and E.S. Stepchenko. St. Petersburg: Publishing House of the Russian Academy of Fine Arts, 2022. 410 p.
14. *Turgenev I.S.* Fathers and children. M.: State Publishing House of Fiction, collected Works, 1961. Vol. 3. 302 p.
15. *Frank S.L.* Light in the dark. Minsk: Publishing House of the Belarusian Exarchate, 2011. 832 p.
16. *Frankl V.* Man in search of meaning: A collection / Translated from English and German by L.Ya. Gozman and D.A. Leontiev. M.: Progress, 1990. 368 p.
17. *Heidegger M.* Genesis and time. M.: Academic Project, 2015. 460 p.
18. *Shishkov A.S.* Slavyanorussky korneslov. St. Petersburg: Foundation of Slavic Writing and Culture, 2002. 272 p.

Статья поступила в редакцию 05.11.2025; одобрена после рецензирования 20.11.2025; принята к публикации 20.11.2025.

The article was submitted 05.11.2025; approved after reviewing 20.11.2025; accepted for publication 20.11.2025.